

Алексей Корзухин — автор портрета Давыдова

«Входим в маленькую тесную комнату, обильно увешенную и обставленную экспонатами...

И вдруг... Что это? О чудо! От волнения роняю номерок... Кто это? Что за человек там на портрете?.. Да разве можно описать это? Это нужно видеть».

Таковыми словами начинается работа студентки Новгородского училища Беловой С., написанная в 1971 году. Слова восторженные, взволнованные, чуть-чуть наивные, но очень искренние, и потому трогательные. При чтении строк, дышащих восхищением, ощущаешь волнение, пережитое девушкой почти 35 лет назад при первом посещении музея Санкт-Петербургской консерватории и знакомстве с портретом, так поразившим её воображение. Перевожу взгляд на портрет К.Ю. Давыдова кисти Корзухина, пытаюсь разгадать, что именно в нём привлекло студентку, и внезапно осознаю — вот оно... Глаза. С холста на нас безмолвно смотрит Карл Юльевич Давыдов, и его взгляд словно проникает в самую душу, притягивает, и нет возможности оторваться, невозможно забыть его. Сначала не замечаешь ничего, кроме этого взгляда, но постепенно начинают вырисовываться остальные детали картины. Карл Юльевич сидит в кресле с золочеными подлокотниками и спинкой, позади него клавиатура фортепиано и инструмент музыканта — виолончель. Возможно это та самая виолончель Страдивари, подаренная Давыдову М.Ю. Вильегорским в начале 1860-х.

Можно долго говорить о портрете, пытаюсь описать словами его неброскую выразительность, но, мне кажется, стоит ограничиться лишь одной емкой фразой, характеризую его: в портрете главенствуют два состояния души — усталость и мудрость. О них пишет, глядя на полотно Корзухина, начинающий музыковед Белова, упоминает их и маститый Л. Гинзбург в своей книге о К. Давыдове. И действительно, эти слова как нельзя лучше раскрывают состояние души, свойства творческой природы, человеческих качеств музыканта, педагога, директора Консерватории Давыдова.

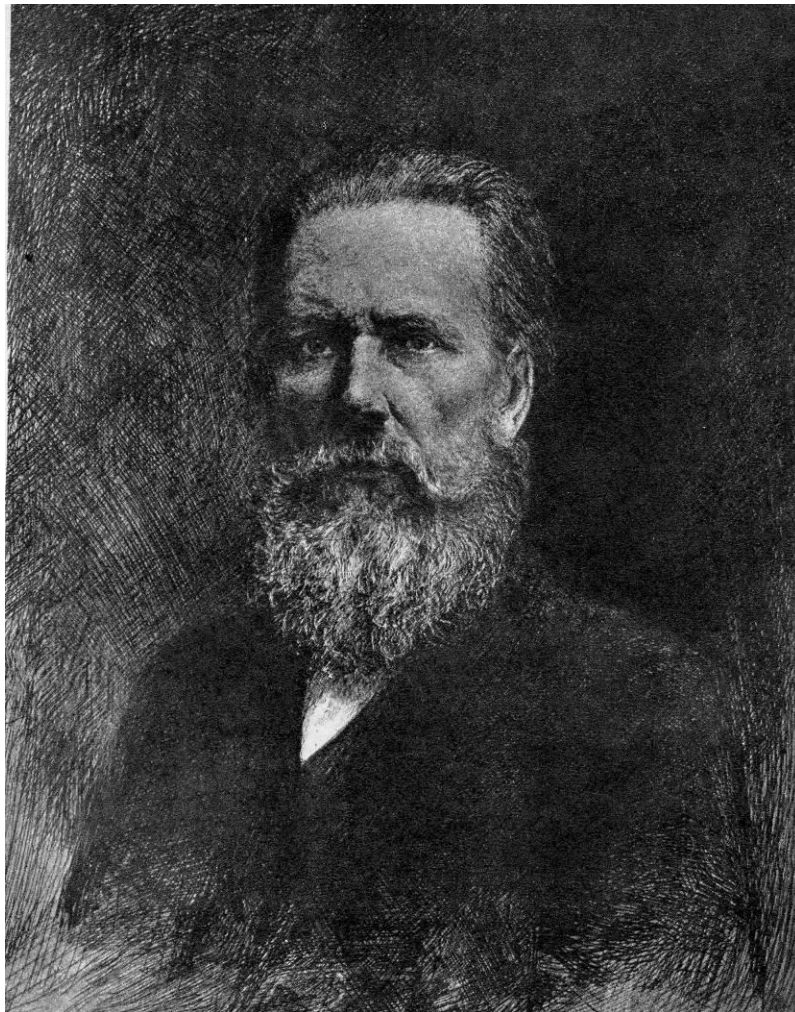
Усталые глаза... Картина написана в 1882 году в период острого длительного конфликта Давыдова с дирекцией ИРМО, вызванного недовольством его прогрессивной музыкально-общественной и педагогической деятельностью. Под нажимом приверженцев К.Ю. дирекция частично отступила, и предоставила ему годичный отпуск. Но борьба отнюдь не была закончена...

В глазах же на портрете мы не находим ни следа бунтарства, вызова, бурной реакции на происходящие события, только спокойствие, удивительное терпение, глубокую усталость — в глазах и во всей фигуре — и вместе с тем благородное достоинство человека, готового до конца противостоять жизненным невзгодам.

Возможно ли строить догадки о душевном состоянии человека, основываясь только на изображении, не имея при этом документального подтверждения?

Глядя на картину Корзухина, очень хочется верить ей, верить в того Карла Давыдова, которого нам показал художник. Есть в ней какая-то особенная правдивость, реалистичность, и помимо этого большая сердечная теплота.

«Какой мастер Корзухин! — восклицает С. Белова — Почему в отзывах посетителей нет ни слова об этой работе?» И я тоже, восхищаясь его мастерством, начала поиски сведений о художнике, задавшись вопросом: что же за человек был Алексей Корзухин, сумевший так замечательно воплотить на холсте образ прославленного виолончелиста своего времени.

А.И. Корзухин

О Корзухине мне удалось найти немного. Всего лишь несколько строк в художественной энциклопедии, небольшая статья, беглые упоминания в других источниках.

Алексей Иванович Корзухин родился в 1835 году на Урале. Его родители были горнозаводскими крестьянами, казенными крепостными. Рано пробудившаяся страсть к рисованию нашла единственно возможное применение – он самоучкой выучился копировать иконы и на вырученные от продажи деньги покупал бумагу и краски, чтобы рисовать. Ни о каком выборе будущего жизненного поприща, разумеется, не могло быть и речи: стать провинциальным богомазом — вот всё, о чём мог мечтать сын крепостных. Однако Корзухину посчастливилось. Талантливый мальчик попал на глаза начальнику уральских горных заводов С.Я. Глинке — либеральному и просвещенному человеку, и тот определил его в Горное училище. Проучившись там до 1857 года, Корзухин испрашивает себе двухлетнее увольнительное свидетельство и на свой страх и риск отправляется в Петербург, в Академию художеств. После ряда мытарств, его заветная мечта, наконец, осуществляется, и в 1858 году он становится учеником Академии.

Дарование Корзухина явно тяготело к бытовому жанру, воплощенному «со всей глубокой правдой, выхваченной молодым художником прямо из жизни» (Крамской).

В 60-е годы намечается сближение Корзухина с молодыми художниками – учениками Академии, группировавшимися вокруг И.Н. Крамского. Здесь, в среде молодых энтузиастов и было заложено основание для нового отношения к искусству, обращенного к реальной действительности. Вследствие конфликта с академическим начальством Корзухину и двенадцати его товарищам пришлось уйти из Академии. Все они образовали Артель — идейное и экономическое объединение художников. Корзухин был деятельным членом Артели свободных художников, а затем и новой организации, пришедшей на смену Артели — Товарищества передвижных выставок, в которой состоял в 1870 – 1872 году.

Творческий диапазон Корзухина невелик. Его привлекают лирические эпизоды жизни: детские забавы, быт крестьянских детей, сцены хмельного веселья. Но и в обычных сценах перед нами раскрывается их существенная социальная подоплека. В своем творчестве Корзухин, как и многие его товарищи передвижники, перекликается с лучшими традициями русской литературы, с ее интересом к жизни и думам простого народа.

«Корзухин начал с нот сильно минорных: «Поминки на кладбище», «Пьяный отец семейства» — пишет В.В. Стасов. В момент своего появления, в 1861 году последняя поражала разоблачением темных сторон российской действительности. Это было живое и новое слово на фоне слащавых академических жанров «из итальянской жизни».

В 70 – 80-е годы в творчестве Корзухина все большее место начинает занимать изображение идиллических сторон жизни, незначительных сценок из повседневного быта. Картины эти обычно не затрагивают острых общественных проблем. Таковы «Возвращение солдата на родину», «Разлука», «Девочки в лесу», «Воскресный чай».

Однако наиболее значительные произведения Корзухина этого периода свидетельствуют о стойкости в его творчестве лучших традиций русского демократического жанра, с его неизменным духом протеста против социальной несправедливости. Две

самые знаменитые картины Корзухина «Перед исповедью» (1877) и «В монастырской гостинице» (1881) были по достоинству оценены передовой художественной критикой и приобретены П.М. Третьяковым в свою галерею, что уже тогда значило войти в число лучших творений русской национальной школы живописи. Если в ранний период творчества окружающая действительность преломлялась художником в призме частной семейно-бытовой драмы, то здесь изображение современной жизни приобрело более широкое общественное значение.

Однако такие картины все реже встречались в творчестве художника. Дарование Корзухина более склонно к изображению светлых идиллических сторон жизни. Наиболее благоприятную возможность для этого давал ему обаятельный и чистый мир детей. Интерес Корзухина к этой теме не ослабевал на всем протяжении его творчества. Начиная с первых своих картин, Корзухин создал целую галерею детских образов («Приезд отца из города», «Разлука», «Петрушка идет!», «Птичьи враги», «У краюшки хлеба» и другие).

Корзухин умер в 1894 году, вскоре после того, как во вновь реорганизованную Академию художеств влились свежие силы из среды передвижников. Корзухин наряду с ними принимал участие в подготовке реформы Академии, как один из признанных корифеев русского бытового жанра.

Портрет К.Ю. Давыдова был написан Корзухиным спустя год после создания одной из лучших его картин «В монастырской гостинице». Зрелый мастер пишет одну из самых глубоких и проникновенных работ...

Глаза мудрые... Достоинство и душевная чуткость, таящиеся во взоре, внушают симпатию и делают человека на портрете необыкновенно приятным и близким. Ошибочно ли это впечатление?

В воспоминаниях современников мы встречаем в высшей степени благожелательные отзывы о самом Давыдове и о времени его директорства в Консерватории. «Его взгляд, всегда приветливый, дружеский, располагал к доверию, уверенности, откровенности. Трудно вообразить более широкую популярность, чем та, которой пользовался Давыдов у учеников и, кажется, также у преподавателей» (Я. Витол). В правящих кругах он считался очень желанной персоной, его ценили прогрессивные люди того времени — Давыдов находился в дружеских отношениях с П. Чайковским, В. Сафоновым, А. Бородиным, отзывавшемся о нем, как о человеке добром и гуманном, более умном, современном и образованном, чем Рубинштейн.

Консерватория времен Давыдова характеризуется «романтической атмосферой, чем-то таким, что словами не выразить, что устояло в деспотические времена Рубинштейна, но совсем исчезло в директоратах его бледных преемников Иогансена и Бернгарда» (Я. Витол).

Романтические черты мы находим в творчестве Давыдова и во всей его фигуре — человека деликатного, мягкого по характеру, «тонкого, глубоко чувствующего художника».

Чуткий психолог, Корзухин приближает нас к пониманию личности музыканта. Отступая на этот раз от близких ему жизнерадостных сценок народного быта, он рисует

картину иного рода: академически строгую, яркую, выразительную и психологически точную. Она по праву встает в ряд с лучшими творениями Корзухина, такими, как «В монастырской гостинице», «Перед исповедью», а также с другими портретами-характеристиками художника — портретами Р.Г. Судковского и М.И. Пескова, до конца еще не оцененными по достоинству.

Я. Витол вспоминает, что для него образ Давыдова зрительно был связан с Мендельсоном-Бартольди.

Возможно, он имел в виду утонченность, налет романтизма, присущие обоим музыкантам, которые ощущаю и я, глядя на портрет Корзухина. Духовным зрением мы видим образ Давыдова, запечатленный на холсте, пронесенный сквозь эпоху и делаем с помощью художника еще один шаг на пути к пониманию личности композитора, виолончелиста, директора и просто человека...

Корзухин словно приоткрывает перед нами завесу истории и дает возможность любоваться прошлым, находясь в нынешнем времени. А это величайшая заслуга мастера и живописца-творца.

Использованная литература

1. Корзухин А.И. Автор-сост. В. Толстой. М., 1960.
2. Стасов В.В. Избранные сочинения в трех томах. М., 1952.
3. Популярная художественная энциклопедия. Гл. ред. В.М. Полевой. М., 1986.
4. Гинзбург Л. К.Ю. Давыдов. М.–Л., 1950.
5. Витол Я.В. Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1969.
5. Очерк 50-летия деятельности Санкт-Петербургской консерватории / Сост. Пузыревский А.И., Саккетти Л.А. Петроград, 1914.
7. Музыкальная энциклопедия. Гл. ред. Келдыш Ю.В. Том 2. М., 1981.
8. Белова С.В. В музее. Собрание музея Санкт-Петербургской консерватории.